

Документы личного происхождения или эго-документы, такие как мемуары, дневники, письма и автобиографии, играют важнейшую роль в исторических исследованиях. Они служат бесценными источниками информации, поскольку в них содержатся свидетельства людей из первых рук, выражающие их мысли, эмоции, воспоминания и взгляды на жизнь. Эти личные документы отражают индивидуальный опыт людей и дают уникальное представление об их жизни и окружающей обстановке.

Особенно интересными для историков документы личного происхождения делают то, что, во-первых, они позволяют глубже погрузиться в социальные, культурные и политические процессы определенного периода. Описание авторами своего взаимодействия с другими людьми, общественных явлений, комментарии политических событий и выражение отношения к ним помогает историкам понять общественные настроения, реакцию на события и их влияние на жизнь людей. Во-вторых, эго-документы открывают нам доступ к эмоциональным переживаниям и внутреннему миру авторов, помогают получить более полное представление о том, как люди думали, чувствовали и взаимодействовали в историческом контексте, понять мотивы, ценности и убеждения авторов, их восприятие прошлого.

Исследование эго-документов получило дополнительный импульс благодаря антропологическому повороту, который связан с изменением подхода к изучению истории. Антропологический поворот характеризуется переходом от анализа структуры и функционирования социальных и политических институтов к изучению конкретных людей и их культурных практик. Это привело к повышенному интересу к эго-документам, которые представляют собой ценные источники информации о личном опыте и взглядах людей на исторические события. Один из наиболее ярких показателей увеличившегося интереса к эго-документам – интенсивное развитие проекта «Прожито»¹, публикующего машиночитаемые тексты дневников различных

¹ Электронный корпус «Прожито». Режим доступа: <https://prozhitto.org/> свободный (дата обращения 25. 05.2023).

исторических эпох. Стоит отметить и серии изданий и исследований, такие как «Переписка» и «Россия в мемуарах» от издательства «Новое литературное обозрение». Важно указать, что публикуются не только дневники известных исторических деятелей, но и дневники обычных людей, которых иногда называют «маленькими людьми»².

В данной статье представлен детальный анализ дневника Владимира Ивановича Чемезова, гимназиста и позднее студента Медико-хирургической академии. Целью исследования является изучение его взглядов на студенческие волнения, которые произошли в Санкт-Петербурге осенью 1861 года. Дневниковые записи В. Чемезова позволяют воссоздать индивидуальный опыт и восприятие событий, которые оказали значительное влияние на историю России, дают возможность проследить эволюцию его отношения к действиям властей в тот период. Особое внимание в рамках данного исследования уделяется источникам, которые формировали мнение В. Чемезова. Это включает в себя анализ того, какие факторы и обстоятельства могли повлиять на его восприятие событий. Кроме того, предполагается рассмотреть его трактовку причин студенческих волнений и персональных виновников сложившейся ситуации. Это позволит более глубоко понять, какие факторы, по мнению Чемезова, способствовали возникновению студенческих волнений, и кто, по его мнению, несет ответственность за эти события.

Студенческие волнения осени 1861 года в России получили широкое освещение в дореволюционной, советской и современной российской историографии³. Они вызвали живой отклик в обществе и прессе, как в России,

² Повседневная жизнь провинциального имения: Дневник слуги уральских помещиков Голубцовых. 1872–1875 гг. / Предисл., подгот. текста и коммент. М. Б. Ларионовой; науч. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург: Издательство «Квадрат», 2013. – 400 с.; Заботы и дни секунд-майора Алексея Ржевского: Записная книжка (1755–1759) / И. И. Федюкин, А. М. Феофанов, М. М. Пироговская, А. О. Видничук ; сост. и науч. ред. И. И. Федюкин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 160 с.

³ Гессен С. Я. Студенческое движение в начале шестидесятых годов / С. Гессен. - М. : Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-переселенцев, 1932. - 143 с.; Сладкевич Н. Г. Петербургский университет и общественное движение в России в начале 60-х годов XIX века // Ленинградский Государственный Орден Ленина Университет. Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 109-120.; Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: Шестидесятые годы XIX века М.: Наука, 1993. – 272 с.; Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Студенческие волнения накануне «Эпохи Великих реформ» // Ярославский педагогический вестник. 2013. №2. С. 14-32.

так и за рубежом, множество непосредственных участников и свидетелей оставили о них свои воспоминания. Наиболее известны свидетельства А.В. Никитенко ⁴, В.Д. Спасовича ⁵, Е.А. Штакеншнейдер ⁶, А.М. Скабичевского ⁷, Л.Ф. Пантелеева ⁸, Н.В. Шелгунова ⁹, Д.А. Милютин ¹⁰, Н.Я. Николадзе ¹¹, А.П. Керн ¹², В.Ф. Одоевского ¹³, А.А. Половцова ¹⁴, П.А. Валуева ¹⁵.

Однако даже на фоне обилия сохранившихся свидетельств точка зрения петербургского гимназиста и будущего студента на происходящее остается уникальной. Обширный дневник, который вел гимназист в середине XIX века, сам по себе является исключительным явлением. Он позволяет получить редкое представление о переживаниях, мыслях и эмоциях молодого человека в период значительных общественных потрясений. Сопоставимым примером может быть только объемный дневник провинциального гимназиста Вологодской губернской гимназии К.А. Березкина, который он вел в 1849¹⁶.

Владимир Иванович Чемезов родился 5 апреля 1845 года. Завершив обучение в 3-й Санкт-Петербургской гимназии в 1862 году, он продолжил образование в Медико-хирургической академии. В декабре 1867 года успешно окончил академию, получив серебряную медаль, и был оставлен ещё на три года для продолжения образования. В 1874 году Владимир Иванович поступил

⁴ Никитенко А. В. Дневник. Т.2: 1856-1864. М.: Гослитиздат, 1955. — 653 с.

⁵ Спасович В.Д. Пятидесятилетие Петербургского университета // Спасович В. За много лет: Статьи, отрывки, история, критика, полемика, судебные речи и проч. 1859–1871. — СПб., 1872. — С. 1-44.

⁶ Штакеншнейдер, Е. А. Дневник и записки 1854-1886: русские мемуары, дневники, письма и материалы / Е. А. Штакеншнейдер ; под общ. ред. В. И. Невского ; ред., ст., коммент. И. Н. Розанова. - Москва - Ленинград : ACADEMIA, 1934. — 585 с. : ил.

⁷ Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М.: «Аграф», 2001. — 432 с.

⁸ Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958.

⁹ Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. Воспоминания. В двух томах. Том первый. Воспоминания Л.П. Шелгуновой и М.Л. Михайлова — М.: Художественная литература, 1967. — 510 с.

¹⁰ Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. — М.: «Редакция альманаха «Российский Архив», 1999. — 559 с.

¹¹ Николадзе Н. Я. Воспоминания о шестидесяти годах //Каторга и ссылка, 1927, № 4 (33), стр. 29–52; № 5 (34), стр. 28-46.

¹² Рассказ о событиях в Петербурге // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка (Сост., вступ. ст. и прим. А. М. Гардина.- М.: Правда, 1989.- 480 с., 8 л. ил. С. 247-266.

¹³ «Текущая хроника и особые происшествия»: дневник В. Ф. Одоевского 1859-1869 гг. //Литературное наследство. — 1935. — Т. 22. — С. 79-308.

¹⁴ Половцов А. А. Дневник. 1859–1882 гг. В 2 т. / Сост., вступ. статья, коммент. О.Ю. Голечкова, С.В. Куликов, К.А. Соловьев. Москва: Фонд «Связь Эпох», 2022. Том 1: 1859-1877.- 880 с.

¹⁵ Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел: в 2 т./ П. А. Валуев; [ред., введ., биограф. очерк и коммент. П. А. Зайончковского] Акад. наук СССР, Ин-т истории, Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР. - Москва : Изд-во АН СССР, 1961. - 23 см Т. 1: 1861-1864 гг. - 1961. - 420, [2] с.

¹⁶ Березкин К. А. Дневник: к 190-летию К. А. Березкина / вступительная статья Брославской С. Н., Шалагиной Г. Л. — 2-е изд., доп. — Санкт-Петербург; Вологда: Киселев А. В., 2020. — 290 с.

на службу в качестве врача в лейб-гвардии казачьем Его Величества полку. В период русско-турецкой войны с мая по ноябрь 1877 года вместе с полком участвовал в боевых действиях на Балканском фронте. В конце 1877 года был назначен ассистентом I терапевтического отделения Клинического военного госпиталя при Медико-хирургической академии, с которым связал всю свою последующую жизнь. Был женат и имел двух дочерей. В 1910 году ушел в отставку, но до конца жизни продолжал заниматься медицинской практикой. Скончался 7 мая 1911 года и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге.

Во время интересующих нас событий Владимир Чемезов – младший ребенок в большой семье. Отец – отставной коллежский советник Иван Леонтьевич Чемезов (ок. 1797 – 1884)¹⁷ – представитель выслужного дворянства. Мать – Чемезова Вера Николаевна (ок. 1812 – 1887)¹⁸. У В. Чемезова три старших сестры – Екатерина (1833-1903), Мария (1839 – после 1910) и София (1840 – 1878). Старший брат Константин (1842 – 1908) в 1860 году закончил 3-ю Санкт-петербургскую гимназию и учится на филологический факультет Петербургского университета.

Оригинал дневника В.И. Чемезова хранится в Государственной публичной научно-технической библиотеке СО РАН в составе коллекции М.Н. Тихомирова, под наименованием «Дневник студента Медико-хирургической академии П. Орешина. Рукопись 2-й пол. XIX в.» (ГПНТБ СО РАН, собр. М.Н. Тихомирова, № 53). Дневник доступен на сайте библиотеки¹⁹, в машиночитаемом виде он представлен на сайте проекта «Прожито»²⁰. В библиографическом описании автором ошибочно указан П. Орешин, поскольку в него вложены два пригласительных билета: одно на имя студента П. Орешина, приглашаемого на курсовое собеседование, второе на имя студента

¹⁷ Санкт-Петербургская дворянская родословная книга. Литера Ч / Отв. Ред. И.А. Анисимова. – М.: Старая Басманная, 2015. – 40 с. С. 14.

¹⁸ Там же.

¹⁹ <http://www.spsl.nsc.ru/rbook/Собрание%20Тихомирова/Tix-053/index.html>

²⁰ Чемезов В. И. «Орешин». Дневник / Расшифровка текста: Ольга Вобленко, Екатерина Маслова, Софья Чорбачиди. Сбор, сверка и финальная разметка: Екатерина Маслова. [Электронный ресурс]. // Электронный корпус «Прожито». Режим доступа: <https://prozhito.org/person/812> свободный (дата обращения 25.05.2023).

И. Орешина, приглашаемого для участия в выборах старост. Возможно, имеется в виду один и тот же человек, чье имя в одном случае написано неверно. Однако из надписи на корешке тетради «1860 года марта 6. Воскресенье. Записки Чемезова» и из текста дневника ясно, что ведет его Володя Чемезов, ученик 3-й Санкт-Петербургской гимназии. Первым, кто изучил дневник и идентифицировал автора был Н.Я. Эйдельман, посвятивший этому памятнику статью в сборнике «Археография и источниковедение Сибири»²¹, затем в популярном виде рассказал о дневнике в статье в журнале «Наука и жизнь»²², позже включенной в виде главы в книгу «Твой девятнадцатый век»²³. Он же отметил уникальность дневника, содержащего данные по повседневной жизни гимназиста середины XIX века, информацию по истории школы и педагогики, описания отмены крепостного права, студенческих волнений, пересказ свидетельств о временах А.А. Аракчеева.

Дневник представляет собой объемную тетрадь, в которой страницы сшиты с нарушением хронологического порядка. Вначале располагаются записи за первую половину 1862 года (страницы 159-178), после которых следует собственно начало дневника – записи осени 1860 года до лета 1861 года (страницы 1-106). Затем представлены таблицы с итоговыми оценками В.И. Чемезова за семь лет обучения в гимназии, выпускные экзамены и записка с отметками на вступительных экзаменах в Императорскую Медико-хирургическую академию. Новый раздел включает записи с лета до конца 1861 года (страницы 107-158). Далее следует раздел «Карты и планы» с единственной рукописной картой, озаглавленной «Новая граница». После этого идут записи за вторую половину 1862 года, 1863 и 1864 годы (страницы 179-196). В конце, на одиннадцати вложенных листах, представлены отдельные записи за 1867, 1870 и 1878 годы. В дополнение к дневниковым записям, в тетрадь вложены письмо 1856 года о студенческих волнениях в Киеве,

²¹ Эйдельман Н.Я. Дневник гимназиста 1860-х гг. // Археография и источниковедение Сибири / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1975. [Вып.1] С. 47–63.

²² Эйдельман Н.Я. Очень старая тетрадь // Наука и жизнь, 1978, №3. С.70–75.

²³ Эйдельман Н.Я. Очень старая тетрадь // Эйдельман Н. Я. Твой восемнадцатый век. Твой девятнадцатый век. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 709–743.

вышеупомянутые приглашения студенту Орешину, машинописная листовка Организационного комитета студентов Петербургского университета от 25 февраля 1902 года и черновик студенческого воззвания, напечатанный на машинке.

Первая запись в дневнике датирована 21 сентября 1960 (все даты в статье приводятся по старому стилю), записи в него вносятся крайне неравномерно. Автор то надолго забрасывает дневник, то вновь к нему возвращается, стремясь записать то, что его более всего волнует и память о чем он хочет сохранить. К 1860 году относится 28 записей, к 1861 – 50, к 1862 – 28, к 1863 – 8, к 1864 – 3, к 1867 – 4, к 1870 – 1. Последняя запись сделана 4 сентября 1878 года. Вести дневник начинает пятнадцатилетний подросток, а последнюю запись делает уже взрослый мужчина в возрасте 33 лет, ставший врачом, защитивший диссертацию, прошедший войну. Для автора характерны «легкие, непринужденные переходы от частного к общему и обратно»²⁴. Перечень сюжетов весьма обширный, в нем ежедневная рутина, учеба в гимназии, подготовка домашних заданий, походы в театры и на выставки, летний отдых на даче, посещение гостей, отзывы о прочитанных книгах, выписанные в дневник стихотворения, любовные переживания, рассуждения о происходящих в стране событиях и многое другое. Дневник для гимназиста не просто памятные записки, но и своеобразная психотерапия, материал для самоанализа. Весьма примечательной является запись за 11 января 1867 года: «Я думаю снова начать записывать, чтобы легче впоследствии обсудить, что я за человек, куда гожусь и как себя держать в обществе, чтобы быть хоть сколько нибудь для него нужным. Под словом общество я разумею простое светское общество. Я, вообще, хочу записывать свое умственное и если можно выразиться так, чувственное развитие. Это разумеется не [нрзб] можно сделать, как строго записывать своим мысли и чувства, и чрез несколько времени прочитав, чтобы

²⁴ Эйдельман Н.Я. Дневник гимназиста 1860-х гг. // Археография и источниковедение Сибири / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1975. [Вып.1] С. 49.

увидеть, что я пережил» [Чемезов В. И. «Орешин». Дневник ..., запись от 23 января (11 января) 1867]. (В цитатах сохраняется орфография автора.)

Интерес автора к студенческой жизни не случаен: он собирается продолжить образование в Медико-хирургической академии, а его старший брат, Константин Чемезов студент Петербургского университета. В образования В. Чемезов видит единственный путь для занятия достойного места в обществе. Пределом его мечтаний являются получение степени доктора, женитьба и «безбедное состояние» [Чемезов В. И. «Орешин». Дневник..., запись от 21 апреля (9 апреля) 1862]. Поэтому он внимательно следит за новостями высшего образования. В записи от 16 июня 1861 года он переписывает в дневник из «Сына Отечества» новые правила поступления в университеты, отмечая, что вскоре ему «приведется на самом себе испытать выгоду и невыгоду этого нововведения» [Чемезов В. И. «Орешин». Дневник ..., запись от 28 июня (16 июня).] Предчувствия серьезных изменений в сфере образования появляется на страницах дневника уже 2 сентября 1861 года в связи с назначением генерала Г.И. Филиппсона попечителем Санкт-Петербургского учебного округа: «У нас новый попечитель генерал-адъютант Филиппсон. Пошла теперь военщина <...>. Опять введется в употребление проклятая дисциплина, от которой мы хоть немножко поотвыкли при Десянове [И.Д. Десянов – попечитель Санкт-Петербургского учебного округа в 1858–1861 – А.К.]» [Чемезов В. И. «Орешин». Дневник ..., запись от 14 сентября (2 сентября) 1861]. Эти записи свидетельствуют об остром интересе автора к студенческой жизни, его вовлеченности в последующие события.

С наступлением нового учебного года студентов университетов ожидало множество нововведений. Согласно новым правилам, были запрещены студенческие сходки, введено обязательное посещение лекций, а студенческие библиотеки и кассы взаимопомощи перешли под контроль университетского начальства. Количество студентов, освобождаемых от обязательной платы за образование, значительно сократилось (только 2 человека от каждой губернии). Новые правила были зафиксированы в специальных «матрикулах» – небольших

книжечках, которые одновременно служили студентам удостоверением личности, читательским билетом и зачеткой. В воскресенье 17 сентября 1861 года с началом занятий студенты Санкт-Петербургского университета устроили многолюдную сходку и потребовали встречи с Г.И. Филиппсоном, чтобы прояснить новые правила. Однако попечитель проигнорировал их требование, советуя студентам заниматься наукой, а не проводить собрания. Сходки продолжались всю неделю, в субботу 23 сентября студенты взломали двери актового зала и устроили многолюдное собрание, где было принято решение не подчиняться новым правилам и не брать **матрикулы**. В ответ министр народного просвещения Е.В. Путятин распорядился закрыть университет.

В понедельник 25 сентября студенты, придя в университет, оказались перед закрытыми дверями. В дневнике В.И. Чемезова дальнейшие события описываются с некоторым запозданием. В пятницу 29 сентября он решает описать всё, происшедшее на неделе. Получившаяся запись самая объемная во всем дневнике. «В Понедельник Котя [**Константин Чемезов – старший брат В.Чемезова – А.К.**] пошел в Университет. Идет по дороге и видит, что многие студенты идут назад. Это его удивило. Подходит к двери. Она заперта, а сверху прибито объявление, в котором говорится, что Университет на некоторое время закрыт. Вот тебе бабушка и Юрьев день! Так как тут было еще несколько человек, то решили, чтобы они отправились по дороге сзывая всех встречавшихся студентов на сходку, при Университете к XI часам. Котя, видя разъяренные физиономии, счел за лучшее воротиться домой, чтоб не быть замешаному в какое нибудь неприятное дело» [**11 октября (29 сентября)**]. Константин Чемезов, как видно из текста, не принял активного участия студенческих протестных акциях ни 25 сентября, ни позднее.

Дальнейшее описание студенческих волнений в дневнике в целом совпадает с воспоминаниями современников, но добавляет несколько интересных деталей. Собравшаяся у университета толпа студентов решает двинуться к дому Г.И. Филиппсона, где потребовала встречи с попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. «Филиппсон принужден был выйти и

объявить, что он со всей толпой говорить не может, а пусть депутатов трех выберут, с ними он согласен разговаривать. Студенты кричат, что он их посадит в крепость. **Благородный генерал-адъютант дает также же благородное, честное слово, что он этого не сделает с депутатами.** Студенты, полагаясь на слово своего попечителя, выбрали **Прахова, Стефановича и еще кого-то – немца** [вероятно, имеется в виду Е.П. Михаэлис – А.К.]» **[11 октября (29 сентября).]** Автор дневника ошибается в фамилиях депутатов. В заседании помимо Г.И. Филипсона участвовали ректор, проректор и А.В. Никитенко. А.В. Никитенко, бывший свидетелем разговора Г.И. Филипсона с депутатами, называет иные фамилии: Е.П. Михаэлис (студент 3-го курса **физ.-мат. факультета**), К.А. Ген (студент 3-го курса юридического факультета), П.К. Стефанович (**студент 3-го курса физ.-мат. факультета, случайный участник, не входил в актив**)²⁵. Эти же фамилии называет сам Г.И. Филипсон²⁶. Описывая данное происшествие с чужих слов, В. Чемезов нарушает последовательность событий. Согласно тексту дневника встреча Г.И. Филипсона со студентами состоялась дома у попечителя, после чего студенты отправились в университет. **Между тем,** Г.И. Филипсон встретился с студенческими депутатами уже в университете. Обратное шествие студентов в университет наблюдали мама автора дневника и его дядя: «Надо заметить, что студентов было очень много, около 1500. Мамашенька говорит, что когда они ехали к Шеламовым, то весь Адмиралтейский бульвар, Троицкий мост и набережная до университета, были наводнены студентами. Несмотря на свою многочисленность, они шли очень тихо и благопристойно» **[11 октября (29 сентября).]** В университете депутатов выслушали, было обещано, что если студенты немедленно разойдутся и примут матрикулы, то университет вновь откроется 2 октября. Студенты послушно разошлись, но напуганные власти перешли к неадекватным репрессивным мерам. В ночь с 25 на 26 сентября начались аресты тех из них, кого сочли инициаторами беспорядков. Всего были арестованы несколько десятков

²⁵ Никитенко А. В. Дневник. В трех томах. Т. 2. 1858-1865. М., 1955. С. 214.

²⁶ Гессен С. Петербургский университет осенью 1861 г. // Революционное движение 1860-х годов. М., Изд-во Общ-ва политкаторжан, 1932. С. 13.

человек. За решетку попали депутаты-парламентеры, редакторы студенческого «Сборника» и руководители кассы взаимопомощи²⁷.

Далее в дневнике приводится уникальное свидетельство об аресте одного из депутатов – П.К. Стефановича. «В ночь на Вторник, именно в 3 часа, когда уже все должны спать, являются в наш дом частный пристав, надзиратель и семь городских, которые спрашивают дворника есть ли в этом доме студенты? Он говорит есть. Стефанович тут? Тут. Тогда пристав, разставив всех городских по лестнице, чтобы бывший депутат не мог убежать, сам с надзирателем отправился к Модзалевскому, разбудили всех там и объявили, что им приказано взять Стефановича под арест. Тот пошел умываться, с ним двое городских. Никуда одного не отпускали. Все его книги, бумаги сложили в чемодан, запечатали тремя печатями и на извознике отправили в часть. Самому ему не позволили взять с собой ни карандаша, ни бумажки, ни часов – одни только деньги. Итак Стефанович был отведен в часть. В то же ночь захватили Прахова и другого депутата. Всех их отправили в крепость, где они находятся до сих пор. Все это было сделано по прошению Филипсона. Вот как в наше время генерал-адъютанты держат свое честное слово» [11 октября (29 сентября)]. Л.Н. Модзалевский сам в недавнее время окончил университет и в описываемое время был преподавателем Смольного института. Летом 1861 года он арендовал у чемезовых квартиру [28 июня (16 июня)], поэтому в данном случае описание дает непосредственный свидетель ареста. Из текста дневника не ясно, почему П.К. Стефанович в ту ночь оказался у Л.Н. Модзалевского. Вероятно, последний сохранил связь со студенчеством.

Арест студенческих активистов не пресек волнения. Уже на следующий день студенты потребовали отпустить своих товарищей. В поддержку студентов Университета выступила молодежь других столичных учебных

²⁷ Спасович, В. Пятидесятилетие Петербургского университета //Спасович В. За много лет: Статьи, отрывки, история, критика, полемика, судебные речи и проч. 1859–1871. – СПб., 1872. – С. 1-44, с. 29; Ашевский, С. Русское студенчество в эпоху шестидесятих годов (1855–1863) //Современный мир. – СПб., 1907. – Сентябрь. – С. 48-85., с. 75.

заведений²⁸. В дневнике описаны сходки в Военно-хирургической академии, на которых присутствовали депутаты из числа студентов университета. «Студенты послали от себя депутатов и там по соглашению со студентами Академии было положено: не сопротивляться полиции, чтоб не показать вид бунта и отправить адрес императору, когда Он сюда приедет. Кроме Университета и Медицинской Академии просили позволения принять участия в этом адресе Инженерная, военная Академии, Артиллерийское училище и другие».

11 октября университет был вновь открыт. Из полутора тысяч студентов и вольнослушателей матрикулы согласились взять лишь около шестисот человек, в том числе и Константин Чемезов [11 октября (29 сентября)]. Однако возобновить занятия в полной мере не удалось: аудитории были пустые. На следующий день толпа студентов, не принявших матрикулы, вновь собралась во дворе университета. Они пытались убедить «матрикулистов» отказаться от соблюдения новых правил. Часть студентов публично порвали свои матрикулы. Этот день стал кульминацией студенческих волнений в Санкт-Петербурге. Для разгона толпы учащихся привлекли полицию и войска. Примерно два десятка человек пострадали от прикладов и штыков. Около 300 человек было арестовано.

Дневниковые записи В. Чемезова свидетельствуют, что студенческие волнения обсуждались и в гимназической среде, а борьба властей затронула и жизнь гимназистов. «Лемониус [Вильгельм Христианович Лемониус – российский педагог, директор 3-й Санкт-Петербургской гимназии. – А.К.] с каждым днем становится бессмысленнее. Глупость его растет не по дням а по часам. Нпр он велел не связываться со студентами, как будто они язва какая-то в самом деле бунтовщики. Он хотел даже исключить Потолова [Александр Потолов – одноклассник В. Чемезова – А.К.] за то, что мне говорил о их сходках» [23 октября (11 октября).] «Всюду привязываются Полицейские пиявки. Даже к гимназистам как нпр. Кестеру, Хейеру [Карл Кестер и Август

²⁸ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: Шестидесятые годы XIX века М.: Наука, 1993. – 272 с. С. 50-51.

Хейер – одноклассники В. Чемезова. – А.К.] подходили эти свиньи. Теперь видно уж настало такое бунтливое время, потому что беспорядки происходят не в одном Петербургском университете, но и в других». [11 октября (29 сентября).].

ПРО НАСТРОЕНИЯ ГИМНАЗИСТОВ

В противоположность личным впечатлениям, освещение студенческих волнений в прессе произвело негативное впечатление на автора дневника. Его собственные представления сильно отличаются от официальной версии, изложенной в печати. «В одном из номеров Полицейских ведомостей было полное изложение университетских дел. Но все это несправедливо. Совершенно не так было. Я уже большую часть передал, есть иное что несправедливо т.е. не так было как я описал» [2 ноября (21 октября) 1861]. Такому расхождению он находит конспирологическое объяснение: «Может быть т.е. наверно тут принимала участие и финансовая система, без чего, как известно у нас в России ничто не обходится» [2 ноября (21 октября) 1861].

Студенческие волнения в Санкт-Петербурге породили множество слухов и споров. Свидетельством этому является запись В. Ф. Одоевского, который описал ситуацию следующим образом: «Об этой истории столько разноречивых слухов, толков, апофегм, легенд, эпиграмм – что не знаешь, чему и верить»²⁹. Аналогичное мнение высказывает и В. Чемезов, который осознает противоречивость информации и мнений о событиях. В одной из записей он пишет: «Ходят разные слухи да ведь нельзя же мне всем верить». [13 ноября (1 ноября)]. Немного позже, в январе 1862 года, в дневнике появляется новая запись, в которой автор решает документировать все, что говорится об университете. Хотя он признает, что большая часть информации может быть неправдой или преувеличенной, он видит важность в таком документировании событий: «<...> из всех рассказов, ходящих по городу, я могу вывести взгляд общества на дело студенчества и понятие его об университете. По крайней мере

²⁹ «Текущая хроника и особые происшествия»: дневник В. Ф. Одоевского 1859-1869 гг. //Литературное наследство. – 1935. – Т. 22. – С. 79-308. С. 138.

лет через десяток, на досуге, я прочитаю это и обсужу, правы ли были студенты в своих требованиях или нет и наконец самый мой образ мыслей» [13 января (1 января)].

Особенно разнообразны были мнения о причинах волнений и возможных зачинщиках. В студенческих беспорядках видели результат деятельности «политических подстрекателей, которые пролезли в университет»³⁰. Такое мнение подогревалось распространенными накануне волнений прокламациями «Великорусс» и «К молодому поколению». Под особым подозрением были польские студенты. По свидетельству министра внутренних дел П.А. Валуева в Варшаве даже «открыли» секретный комитет, который якобы руководил студенческим движением³¹. Отношение современников к возможной причастности поляков к университетским волнениям было неоднозначным.

«Самое дурное в нашем деле то, что его связывают с польскими волнениями, — писал Ключевский, — тогда как это не имеет ничего общего с ним»³². По воспоминаниям Л.Ф. Пантелеева, в обществе действительно широко было распространено мнение, что идейными вдохновителями волнений были поляки, а «русские студенты представляли из себя не более как панургово стадо»³³.

Однако сам Пантелеев считал такое обвинение необоснованным. В отчете III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии за 1961 год студенческие волнения связываются, с одной стороны, с деятельностью «заграничной русской революционной пропаганды», оказавшей влияние на либеральное дворянство и «более или менее все юное поколение России, не исключая воспитанников казенных гражданских и военных учебных заведений, откуда политическая язва проникает в присутственные места и в ряды армии», а, с другой, с «польским элементом»³⁴. В простонародье же многие были

³⁰ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 124.

³¹ Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел : в 2 т./ П. А. Валуев ; [ред., введ., биограф. очерк и коммент. П. А. Зайончковского] Акад. наук СССР, Ин-т истории, Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР . - Москва : Изд-во АН СССР , 1961. Т. 1: 1861-1864 гг. С. 120.

³² Ключевский В.О. Письма //Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 50.

³³ Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. С.181.

³⁴ «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827-1869. Сборник документов. / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. — Москва: «Рос. фонд культуры»: «Российский Архив», 2006. С. 261-262.

уверены, что это «бунтуют барчуки», потому что «царь отнял у их родителей крестьян»³⁵. В.Ф. Одоевский отмечает, что такой слух распускается умышленно³⁶.

На фоне такого широкого спектра мнений, часто имеющих конспирологический оттенок, позиция В.И. Чемезова о причинах студенческих волнений кажется удивительно разумной. Он видит в этих волнениях акт борьбы студентов за свои права, направленный против университетских нововведений: «Студенты отстаивают свои права. То то и худо, что в народе не совсем понимают Университет, и поэтому и сходки студентов, и их требования перетолковать в другую сторону» [11 октября (29 сентября)]. Персональными виновниками эскалации студенческих волнений В. Чемезов называет Е.В. Путятину и Г.И. Филипсона, наделяемых в дневнике весьма нелестными характеристиками, или обобщенно – правительство. Когда события только начинались, положительную оценку в дневнике получил лишь обер-полицеймейстер генерал А.В. Паткуль. «Вообще Паткуль во всех своих действиях является очень благородным человеком. И то отрадно, что хоть один есть человек, на слово которого можно полагаться без опасения» [11 октября (29 сентября)]. Однако после массовых арестов студентов и применения против них армии меняется отношение и к нему. «Беспорядки! Да надо спросить что было причиной этих беспорядков? Кто первый подал повод им? И увидишь, что во всем виновато наше же правительство. Если рассмотреть хорошенько все их действия и поступки со студентами, то право заметишь, что оно действовало весьма неблагоприятно, да и еще и несознательно, а продолжало так поступать. Все приказания Путятинина, Паткуля, Филипсона и прочих служили только к раздражению молодых людей» [11 января (30 декабря)].

В обществе студенческая история нашла живой отклик. Известно множество свидетельств сочувственного отношения к студентам среди

³⁵ Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. – М.: «Аграф», 2001. – 432 с. С174.

³⁶ «Текущая хроника и особые происшествия»: дневник В. Ф. Одоевского 1859-1869 гг. //Литературное наследство. – 1935. – Т. 22. – С. 79-308. С. 139.

столичных обывателей³⁷. Но по замечанию профессора В.Д. Спасовича, даже в «группах петербургского общества, претендующих на известную культуру, сочувствие к студентам было весьма умеренное, боязливое и, так сказать, платоническое»³⁸. Ярким примером «платонического» сочувствия со стороны петербургского общества служит история с попыткой составить адрес на имя императора о помиловании арестованных студентов. Текст был составлен видным судебным и общественным деятелем Д.В. Стасовым. Но 2 октября Д.В. Стасов был арестован и впоследствии лишился должности Обер-Секретаря в Сенате³⁹. 5 октября на квартире Н.В. Альбертини, сотрудника «Отечественных записок», во время совещания литераторов с представителями студентов были арестованы и хозяин, и его гости. Даже в общественных инициативах правительству мерещились заговоры и оно реагировало с неадекватной жестокостью. В результате подписи под адресом собирались с трудом. «История с подписями просто прелесть! И смех, и слезы!, – писала по этому поводу Е. А. Штакеншнейдер. Пятьсот человек подписались! На четыреста тысяч жителей - пятьсот! Да как еще? Подпишут сегодня, а завтра придут просить, нельзя ли вычеркнуть. Так и заявило себя общество! Адрес оставалось сжечь, так и сделали. Не подавать же государю общественное мнение в пятьсот голосов»⁴⁰.

В простонародье к студенческим волнениям в Санкт-Петербурге отнеслись скорее с равнодушием, непониманием, а иногда и неприятием. «Для мужика, извозчика, купца движение студенческое была вещь совершенно непонятная», – замечал В.Д. Спасович⁴¹. В Москве же городские обыватели помогали арестовать и вязать студентов [Ашевский, С. Русское студенчество в

³⁷ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох М.: Наука, 1985. 351 с. С. 302-303.; Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: Шестидесятые годы XIX века М.: Наука, 1993. — 272 с. С. 50-51.

³⁸ Спасович В. Д. Пятидесятилетие Петербургского университета // Спасович В.Д. За много лет, 1859 – 1871: Статьи, отрывки, история, критика, полемика, судебные речи и проч. / [Сочинение] В. Спасовича. – СПб.: Типография Ф. Сушинского, 1872. – [4], II, II, 665 с. С 1-44. С. 31-32.

³⁹ Легкий Д.М. Студенческое «Прошение на имя государя» осенью 1861 года //Вопросы истории. 2000. №10. С. 144 – 149.

⁴⁰ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854-1886). М. 1934. Запись 4 ноября 1861 г.

⁴¹ Спасович В. Д. Пятидесятилетие Петербургского университета //Спасович В.Д. За много лет, 1859 – 1871: Статьи, отрывки, история, критика, полемика, судебные речи и проч. / [Сочинение] В. Спасовича. – СПб.: Типография Ф. Сушинского, 1872. – [4], II, II, 665 с. С 1-44. С. 31-32.

эпоху шестидесятих годов (1855-1863) // Современный мир. - СПб., 1907. - Октябрь. - С. 48-74. С. 59.]. Впрочем, находились и сочувствующие. Так А.П. Керн приводит слова извозчика, жалеющего малоимущих студентов, утративших по новым правилам возможность бесплатно обучаться в университетах: «Больно жалко их, бедненьких. Не хорошо только, что, говорят, между ними будто есть и такие, что замыслили что-то недоброе против царя. Ну, это неладно! Царь добрый, он нам волюшку дал»⁴².

Гимназист В. Чемезов видит, что далеко не у всех студенты вызывают сочувствие и понимание. В дневнике имеются записи о двух спорах по этому поводу. 30 сентября он дает очень резкую характеристику некоей Всеволожской, рассуждавшей о студентах. «Сегодня утром пришла к нам Всеволожская, хвастунья ужаснейшая каких на свете мало. Она принялась рассуждать на счет теперешних Университетских дел и тут то показала всю свою глупость, раскрыла свою дурацкую башку. Ругала студентов ни за что, ни про что: «Дураки, болваны, ничего не смыслят, безбожники». Чистая дура! Жаль, что Коти не было. Он бы с нею поспорил. Да что спорить с этой дурой ничего не сделаешь. Надо б было ее обругать хорошенько, сказать, что тот дурак, кто думает так о студентах. Досадно право слышать такие глупые суждения, да еще от кого от Всеволожской» [12 октября (30 сентября)]. Гораздо позднее во время новогоднего визита к знакомой семье, начальнице Смольного института Марии Павловне Леонтьевой Константин Чемезов вступит в спор о студентах с невесткой хозяйки, Софьей Константиновной Леонтьевой, но этот спор получит у автора дневника уже другую характеристику. «Вскоре пришел Котя, который и заспорил с С. К. насчет университетского дела. Она говорила, что студенты виноваты, Котя отстаивал их. Конечно С.К. как ловкая, умная, образованная дама одержала верх» [13 января (1 января) 1862].

В самом начале студенческих волнений в обществе особые надежды в разрешении конфликта возлагались на императора. В момент начала волнений

⁴² Рассказ о событиях в Петербурге // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка (Сост., вступ. ст. и прим. А. М. Гардина.- М.: Правда, 1989.- 480 с., 8 л. ил. С. 262.

он находился в Ливадии. Его приезда по выражению А.П. Керн ждали «как манны небесной, как пришествия мессии»⁴³. В. Чемезов разделял эти надежды: «Еще прежде государю посылал известие о студентах но он отвечал, что не надо придавать большой важности вспышке молодых людей. Добрый Государь! При втором известии и запретил употреблять [насилие]. Если б император приехал конечно б было совсем другое». [23 октября (11 октября)]. В другой дневниковой записи он сообщает: «Теперь весь город наполнен рассказами о нем [Университете – А.К.], часто весьма неясными. Так нпр. говорят, будто студенты сорвали портрет Императора и начали его топтать, плевать, рвать. Может ли это быть? Император тут ни в чем не виноват, след. ему нечего мстить. <...> Император прислал повеление не под каким видом не трогать студентов, оставить их в покое и что он сам приедет, рассмотрит дело и разсудит хорошенько. <...> А как, я думаю, студенты рады этому. Если только Император решит дело в их пользу, непременно они сочинят какую нибудь торжественную благодарность. Император стоит этого. Он очень добр, а эти свиньи пользуются его добротой и издают такие глупые приказания, как Путянин и Филиппсон» [11 октября (29 сентября).] Заканчивает свои рассуждения автор высказыванием: «При приезде Государя Русским будет хорошо, да за то Полякам худо, чем я очень рад. Пора этих скотов усмирить хорошенько: они что то слишком вольничают». [11 октября (29 сентября).] Здесь, с одной стороны, приводится антипольская эпиграмма, отражающая общественные настроения, а, с другой, под «скотами», на наш взгляд, подразумеваются упомянутые Путянин и Филиппсон.

Содержание арестованных студентов было более чем мягким: их камеры не запирались, они могли общаться между собой до такой степени, что устраивали литературные вечера, допускалось неограниченное количество передач с воли в виде книг, газет и продовольствия⁴⁴. Но в обществе ходили ужасающие слухи о тяжелом положении узников, часть из которых попала на

⁴³ [Рассказ о событиях в Петербурге // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка (Сост., вступ. ст. и прим. А. М. Гардина. - М.: Правда, 1989. - 480 с., 8 л. ил. С. 250.

⁴⁴ Гессен С. Я. Студенческое движение в начале шестидесятых годов / С. Гессен. - М. : Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-переселенцев, 1932. С. 84.

страницы дневника. Так В. Чемезов пишет о смерти писателя М.И. Михайлова студента Евгения Утина [23 октября (11 октября).], повальных болезнях среди арестантов [15 декабря (3 декабря).]. Воспроизводя эти слухи, автор выражает свое недоумение по поводу действий властей: «Я решительно ничего не понимаю, что думает сделать наше правительство, поступая таким образом? Вооружить всех против себя? Это нетрудно, да ему то будет плохо» [15 декабря (3 декабря).]. Чем дальше, тем более резкими становятся суждения гимназиста.

В декабре 1861 году, когда накал страстей утихнет, но арестованные студенты всё ещё будут сидеть в крепости, в дневнике отразится изменение в обществе отношения и к императору. «Вечером т.е. часу в шестом ко мне приходил Филиппов [Александр Филиппов – одноклассник В.И. Чемезова – А.К.] и объявил важную новость. Третьего дня т.е. в Субботу 1го Декабря Император был на опере в Мариинском театре. Известно что если бывает в театре государь, так он один аплодирует, а прочие из уважения к нему молчат. В этот раз было наоборот. Все аплодировали. Это Александру не понравилось и он послал в ложи бывших при нем людей с приказанием замолчать. Да господ вытолкали из них. Император принужден был раньше обыкновенного выехать из театра» [16 декабря (4 декабря)]. Интересный пример изменения отношения к императору обнаруживается в воспоминаниях А.П. Керн. Так ожидаемый приезд императора производит на неё негативное впечатление: «Первые дошедшие до нас известия как обухом по лбу нас ошеломили: «Игнатьева и Путятина царь обнимал и целовал публично!» На другой же день приезда был парад, по окончании коего благодарил преображенский полк, а графа Толстого произвел в флигель-адъютанты. При всех этих неутешительных слухах я решительно от него [Императора – А.К.] отказалась, возненавидя его <...>»⁴⁵. Преображенский полк участвовал в жестком разгоне студенческой

⁴⁵ Рассказ о событиях в Петербурге // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка (Сост., вступ. ст. и прим. А. М. Гардина.- М.: Правда, 1989.- 480 с., 8 л. ил. С. 250.

сходки 12 октября, а упомянутый Толстой⁴⁶ отличился при этом особым рвением.

ИЛИ ЗДЕСЬ О ГИМНАЗИСТАХ

За «университетским делом» автор дневника продолжает пристально следить до самой развязки. 9 декабря 1861 года он записывает, что разрешилась судьба арестованных студентов. «Они присудили многих к ссылке в Сибирь на каторжную работу и было бы за что; за то, что не приняли их глупых правил, не были такими дураками, чтоб исполнять приказания этих ослы. Именно ослы, болваны, всегда заседали в государственном совете. Чорт знает право, что у нас такое делается! Кажется настают времена Николая» [21 декабря (9 декабря)]. В действительности наказание студентов было скорее мягким. Только пятеро, признанных зачинщиками беспорядков были высланы в уездные города отдаленных губерний под надзор полиции (А.С. Френкель и М.А. Новоселецкий в Вологодскую; Е.П. Михаэлис, К.А. Ген и А.А. Герике – в Петрозаводск), но с дозволением поступить на службу, 32 человека исключены из университета с правом держать выпускные экзамены в качестве вольнослушателей, в отношении остальных ограничились «строгим внушением» и дозволением в двухнедельный срок или поступить в университет, приняв матрикулы, или выехать на родину, или остаться в Петербурге под надзором полиции.

После освобождения студентов из крепости автор ещё не раз возвращается мыслями к произошедшим событиям. В дневник заносятся и обширные выписки из прессы: «Всепопданейший доклад министра народного просвещения о закрытии Санкт-Петербургского университета» [11 января (30 декабря)] и сообщение о создании Комиссии по вопросам, касающимся университетов [12 января (31 декабря)]. Обе записи сопровождаются язвительными комментариями автора дневника. В финале последней В. Чемезов пишет: «Довольно интересно знать чем кончится университетское

⁴⁶ Либо Толстой Илларион Николаевич (1832-1904) - штабс-капитан Преображенского полка, либо его брат Михаил Николаевич (1829-1875), капитан того же полка. Ни один не имел графского титула.

дело, начавшееся с глупости и которое кончится может быть не совсем хорошо для императора конечно, а не для народа» [12 января (31 декабря)].

Летом 1862 года после окончания гимназии В. Чemezov вновь затрагивает в дневнике общественно-политическую тему в связи с расстрелом 16 июля 1862 года И.Н. Арнгольда, П.М. Сливичского и Ф. Ростковского, офицеров 4-го стрелкового батальона 1-й армии в Польше, обвиненных, согласно приговору, «<...>в оскорблении священной особы его им. вел., <...> в порицании и превратном истолковании правительственных реформ<...>, в возбуждении нижних чинов к явному неповиновению начальству и даже бунту»⁴⁷. «Это право смешно, — комментирует данное событие В. Чemezov. Наше правительство хочет всем вбить в голову насильно, что оно поступает прекрасно во всех отношениях и запретить порицать его действия.<...> Не понимаю право, что оно думает сделать подобными поступками. Я думаю, что оно не потушит искру, а раздует ее в пламя. И смирные то до сих пор люди наконец ожесточатся: тогда царю будет плохо». [21 июня 1862]. О себе автор с уверенностью утверждает: «Я вон нигде никакого участия не принимал и принимать не буду, да едва ли у меня хватит настолько воли, чтобы обуздывать свои стремления» [21 июня 1862]. Итогом же размышлений теперь уже бывшего гимназиста становится оправдание индивидуального террора. Известие о покушении на генерала А.Н. Лидерса — бывшего наместника в Царстве Польском, он встречает с восторгом: «Пусть бы таких господ побольше убралось на тот свет. Не мешало бы туда отправить Панина да обоих Адлербергов [В.Н. Панин — министр юстиции, В.Ф. Адлерберг — министр императорского двора, А.В. Адлерберг — генерал-адъютант — А.К.]» [21 июня. Четверг].

⁴⁷ Герцен А.И. Выстрелы, раны и убийства (Константин Николаевич, Лидерс, Арнгольдт и пр.) // Герцен А.И. Полное собрание сочинений. Том 16. Статьи из Колокола и другие произведения 1862-1863 годов. М., 1959. С. 206-208.

Мнение В. Чемезова о студенческих волнениях, как видно из текста дневника, формируется на основании разных источников информации: собственных наблюдений, рассказов родственников, знакомых и одноклассников, и официальной прессы. Гимназист прекрасно осознает противоречивость информации, наличие множества недостоверных слухов. Также он видит неоднозначное отношение городских обывателей к студентам. Студенческие волнения 1860-х годов в Российской империи, как показывает дневник В.И. Чемезова, стали значимым событием, которое оказало влияние на общественные настроения и политическую обстановку в стране. Они выявили противоречия и напряженность в обществе, а также обнажили недостатки политического курса властей, особенно в области образования.

Меры, принятые властями в ответ на студенческие протесты, включая массовые аресты, исключения из университетов и применение военной силы, вызвали общественное недовольство и усилили оппозиционные настроения. Это отразилось в изменении восприятия правительства и императора Александра II, что ярко проиллюстрировано в дневнике В. Чемезова. Вместо восторженных юношеских упований на «доброго Императора» в сентябре в декабре появляются резкие критические оценки правительства и самого императора.

Важно отметить, что эти события стали точкой отсчета для многих молодых людей, которые впоследствии приняли активное участие в революционном движении. Мы знаем, что В. Чемезов не стал революционером, напротив успешно делал карьеру на государственной службе и в итоге вошел в число высшего чиновничества империи. Его дневник является свидетельством того, как быстро и радикально могли меняться общественные настроения и восприятие власти за весьма короткий отрезок времени в бурные 1861-1862 годы. Таким образом, студенческие волнения 1860-х годов стали катализатором общественных изменений и привлекли внимание к проблемам и нерешенным вопросам страны, что в конечном итоге привело к необходимости реформ и перестроек в России.

Это свидетельствует о том, что общественное мнение и слухи могут существенно повлиять на восприятие ситуации и формирование мнения относительно действий власти.